

Тигран АХУМЯН

Захарий Палиашвили

К 100-летию
со дня рождения

Одной из наиболее памятных встреч за долгую мою жизнь была встреча и дружба с Захарием Петровичем Палиашвили, и мне приятно рассказать об этом прекрасном человеке нашим читателям.

В конце 20-х годов правление Общества защиты авторских прав решило организовать ряд творческих встреч с деятелями искусства Грузии и Азербайджана, и первым был приглашен в Ереван Захарий Петрович Палиашвили. Он охотно согласился приехать, выразил в письме свою радость по поводу предстоящей встречи и благодарности за приглашение. Особенно был рад его приезду Романос Меликян, который знал его еще по Тбилиси.

— Это настоящий художник, — говорил он восторженно. — Вы сами в этом убедитесь и полюбите. Он понимает, что музыка, если в ней нет мелодичности, если она не запоминается и не звучит в душе слушателей, доставляя им радость, — это уже не музыка!

И вот мы во главе с Романосом на Ереванском вокзале. Поезд скоро подойдет к перрону. Романос «командует парадом».

— Тигран! — обращается он ко мне, — ты скажешь приветственное слово. Это по твоей части.

— Но я же с ним совсем не знаком! Что я могу сказать?

— Это ничего. Чтобы сказать доброе слово человеку вовсе не требуется быть знакомым. Доброе слово всегда нужно человеку: оно для него дороже хлеба насущного.

Подходит поезд, и из мягкого вагона выходят пассажиры. Я хочу угадать — который же из них Палиашвили. По Тбилиси я хорошо знал композитора Аракишвили. Это был человек невысокого роста, грузноватый, с длинными до плеч седыми волосами и в довольно просторном костюме, сидевшем на нем несколько мешковато. И почему-то мне казалось, что наверное таков будет и Палиашвили. Однако из вагона не вышел ни один толстяк.

Но вот показались еще один пассажир, малость запоздавший с выходом, в белых брюках, высокий, стройный, с улыбающимися глазами, чисто выбритый и без лохматых волос.

— Захарий Петрович! — крикнул Романос и метнулся к нему. — С приездом, друг, — сказал он, обними руками, пожимая его руку. — Вот познакомьтесь с товарищами. Это — поэт Алазан. Это наш драматург Ахумян. А это защитник наших гонимых — Тер-Овнанян.

Захарий Петрович крепко пожимал наши руки, все время восторженно повторяя: «Очень рад! Спасибо! Очень счастливы!». В его речи лишь очень слабо слышался грузинский акцент, по-русски говорил он, как я позднее в этом убедился, очень хорошо.

Первое впечатление от него было — это высококультурный, подлинный интеллигент европейского типа. Ничего похожего на нашу кавказскую вольность в обращении с людьми в нем не было. Он был весь внутренне собран, говорил всегда с легкой доброжелательной улыбкой, располагая к себе симпатии окружающих.

— Я давно мечтал о том, чтобы посетить Армению, на-

род которой дал миру великого Комитаса, Макара Екмаляна, Спендиарова, нашего милого Романоса, и я должен от всего сердца поблагодарить вас за то, что вы помогли осуществлению моей мечты. Сегодня с раннего утра я любовался величавым Апаратом, и мне кажется, что именно от него идет широкий поток поэтического вдохновения, которым полны души армянских мастеров музыки, живописи и поэзии.

Поезд, развернувшись, интересным разговором об искусстве, о его корнях в народном сердце, и о моем приветственном слове забыл не только я, но и сам Романос.

В номере гостиницы Захарий Петрович, оживленно продолжая начатый разговор, то и дело проводил рукой по щеке и почему-то морщился.

— У вас болит зуб? — спросил озабоченный Романос.

— Нет, — улыбнулся Захарий Петрович, — ничего не болит, слава богу... А вот, думаю, не поборится ли мне?

— Да вы же бритый, Захарий Петрович.

— Верно — бритый, но вот провожу рукой по лицу и — чувствую: под пальцами щетина. Очень неприятное ощущение и — мешает разговору.

И он опять улыбнулся, и выражение лица его при этом было столь виноватое, что мы все дружно засмеялись.

— Так вы меня простите, если я при вас быстро приведу себя в норму.

Он достал было свою бритву и пригнулся к бритью, но в это время в дверь постучали, и в комнату вошли композиторы Анушаван Тер-Гевондян и Каро Захарян. Вслед за ними пришли Степан Зорьян и поэт Наири Зарян. Все они, кроме Наири, знали Палиашвили еще по Тбилиси и радостно приветствовали его.

Бритье пришлось отложить, однако рука Захария Петровича то и дело скользила по лицу, и было заметно, что он по-настоящему страдает от того, что щетина «мешает» разговору.

В тот же день вечером Захарий Палиашвили присутствовал в Доме культуры (ныне Малый зал филармонии), и наш еще молодой симфонический оркестр исполнял программу из его произведений.

Захарий Петрович сидел в первом ряду в кресле, специально для него поставленном, рядом с Романосом Меликяном и Тер-Гевондяном, и лицо его (теперь уже побритое до зеркального блеска) излучало такую радость, что когда исполнение очередного номера программы кончилось, он не выдержал, вскочил с места, поднялся на эстраду, и, обняв дирижера и концертмейстера Хорозяна, крепко и звонко поцеловал.

Зал взорвался бурей аплодисментов.

Захарий Петрович подошел к краю эстрады, поднял руку и сказал очень взволнованным голосом:

— Дорогие друзья! Я всегда был твердо убежден в том, что сердца людей лучше и крепче

всего связывает музыка, в основе которой лежит народная мелодия. Сегодня я в этом убедился еще раз и — окончательно. Я знаю, некоторые мои мелодии завтра многие из вас будут напевать по памяти, и я горжусь этим. А почему? Потому, друзья мои, что они рождены народной песней. А народная песня грузин близка народной песне наших братьев-армян. Ведь исторические судьбы их во многом были одинаковы. Я очень счастлив сегодня, и уже никогда не забуду этого вечера. Низко кланяюсь вам и сердечно благодарю всех вас.

Он высоко поднял обе руки, широко и радостно улыбаясь всем, — публике, оркестру, друзьям и вернулся на свое место.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное. Раздались звуки изумительной лезгинки из оперы «Даиси», и вдруг из боковой двери выскочил в зал молодой человек в череске с заткнутыми за пояс лапами и пустился в пляс — сначала по двум главным проходам, а потом перед самим Палиашвили. Зал гремел бурными аплодисментами, одновременно напевая лезгинку в такт с оркестром, и у взволнованного Захария Петровича текли по лицу крупные капли слез счастья.

Через два дня Захарий Петрович уезжал. Накануне мы повезли его в Эчмиадзин, Звартноц и на Севан, который потряс его красотой, голубиной зеркальной гладью и древним храмом.

— Я как будто окупился в далекую древность, полную невыразимых очарований и тайн, — сказал он. — Душа моя поет, напевает какие-то новые мелодии, и я знаю: они будут близки и армянам, и грузинам. Говорят иногда — «непонятная музыка». А музыку не понимать надо, а сердцем чувствовать, только сердцем. Если она не находит дорогу к сердцу, она жить не будет. Наши молодые композиторы, к сожалению, порою не понимают и часто мудрствуют лукаво.

В это время на перроне показались две девушки с большим букетом алых роз и, зардевшись от смущения, подошли к Захарию Петровичу.

— Просим вас принять эти розы в знак сердечной благодарности от имени всех поклонников вашего таланта.

Захарий Петрович растроганно принял букет, обнял девушек.

— Я очень тронут, — сказал он. — Чем я могу отблагодарить вас за эти чудесные, на вас похожие розы? Если позволите, я вас поцелую и подарю вам два самых лучших цветка из этого букета.

Он звонко поцеловал их и осторожно воткнул по розе в волосы девушек.

— Вот теперь ваши розы обрели подлинную красоту и очарование. Знайте, не цветы придают человеку красоту и обаяние, а человек — цветам. Ну, что ж, друзья, простимся!

— Захарий Петрович, — сказал Романос, — приезжайте еще! Мы вам всегда будем рады — как родному!

— Обязательно, — ответил Захарий Петрович, уже поднявшись в вагон, — с Арменией не так легко расставаться. Часть души моей остается здесь навечно. До свидания!